

СОБЫТИЯ И ЛЮДИ

В. С. Брачев

Дело профессора С. В. Вознесенского

Арест С. В. Вознесенского (1884–1940) и последовавшая за ним безвременная кончина в тюремной больнице привели к тому, что фигура этого видного ленинградского историка-марксиста 1920–1930-х гг. надолго выпала из поля зрения российских историографов. И только в последние годы благодаря выходу в свет в 2009 г. подготовленного Т. Н. Смекаловой, А. В. Мельниковым и Н. М. Вечерухиным монографического исследования С. В. Вознесенского, посвященного истории Экспедиции заготовления государственных бумаг (1818–1918)¹ (особое внимание привлекает предисловие публикаторов с рядом ценных сведений о научных трудах и жизненном пути ученого) и появлению обстоятельной статьи профессора Санкт-Петербургского университета М. В. Ходякова об истории написания этой работы² появилась возможность констатировать наметившиеся позитивные перемены.

Тем не менее многое в биографии С. В. Вознесенского (особенно последний период его жизни) остается неясным и нуждается в дальнейшем исследовании. Как попытку шага вперед на этом пути мы и рассматриваем настоящую публикацию.

Сергей Валерианович Вознесенский родился 23 сентября 1884 г. в деревне Рындела³ (по другим данным — Кядиле⁴) Шуменской волости Новолодожского уезда

Брачев Виктор Степанович
д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Санкт-Петербургской губернии (ныне Кировский район Ленинградской области). В метрической книге Санкт-Петербургской епархии Новолодожского уезда Теребушской Успенской церкви за 1884 г. в первой части «О рождениях» под № 45 в разделе «Мужского пола» значится: «...потомственного почетного гражданина Валериана Игнатьева Вознесенского и законной жены его Софии Ивановой, обоих православного вероисповедания, от первого их брака 23 сентября родился, а 4 октября крещен сын Сергей...»⁵.

После окончания в 1911 г. историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета С. В. Вознесенский оставлен профессором С. Ф. Платоновым при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию, но диссертации не представил и вынужден был сосредоточиться на педагогической деятельности в ряде средних учебных заведений Санкт-Петербурга: женской гимназии Лохвицкой-Скаллон, гимназии Гуревича и Коммерческом училище.

В 1919 г. начинается преподавательская деятельность С. В. Вознесенского в Петроградском университете, сначала на рабфаке (1919), а затем и на факультете общественных наук в качестве доцента (1920), а затем профессора (1925). С 1927 г. С. В. Вознесенский определен в качестве профессора Педагогического института им. А. И. Герцена, где читал лекции по истории России в эпоху промышленного и финансового капитализма⁶.

К середине 1930-х гг. он вполне сложившийся ученый-марксист, автор ряда ценных работ по XVIII в.⁷ и социально-экономическому развитию России в XIX — начале XX вв.⁸, первое место среди которых уверенно занимает его монография 1932 г. «Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России в 1800–1860 гг.»⁹.

Заслуживает внимания и активное участие С. В. Вознесенского в дискуссии 1934–1936 гг. о генезисе феодализма в Древней Руси, где его оппонентами были академик Б. Д. Греков и один из руководителей марксистского исторического фронта в Ленинграде М. М. Цвибак¹⁰.

Погубили же С. В. Вознесенского (как, впрочем, и многих других радикально настроенных представителей российской интеллигенции) его прогрессивные социалистические взгляды, на волне революционных потрясений 1905 г. приведшие его в Российскую социал-демократическую рабочую партию, но не в «правильное» большевистское ее крыло, а в крыло «неправильное», меньшевистское. Вершиной партийной карьеры С. В. Вознесенского стало избрание его в 1916 г. членом ЦК группы «Единство» во главе с Г. В. Плехановым.

И хотя с приходом в октябре 1917 г. большевиков к власти С. В. Вознесенский благоразумно порвал со своими меньшевистскими коллегами и активно включился в разработку марксистской концепции русской истории по линии Научного общества марксистов (1920–1929) и Группы левой профессуры (1920–1924), своим в кругу историков-марксистов он так и не стал.

Первая волна арестов, которая накрыла историков-марксистов Ленинграда из числа бывших оппозиционеров (Г. С. Зайделя, С. Г. Томсинского, М. М. Цвибака и др.) после убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г., обошла стороной беспартийного С. В. Вознесенского. Но за первой волной последовала вторая,

когда в центре внимания НКВД оказались уже не троцкисты и зиновьевцы, а бывшие члены так называемых непролетарских партий — кадеты, эсеры и меньшевики. Собственно, это обстоятельство, с учетом меньшевистского прошлого С. В. Вознесенского, и предопределило его трагическую судьбу.

Справка на арест С. В. Вознесенского была составлена начальником 5-го отделения 4-го отдела Управления госбезопасности по Ленинградской области младшим лейтенантом госбезопасности Павлом Гавриловичем Дроздецким¹¹. В результате предварительного расследования, говорилось в ней, установлено, что С. В. Вознесенский «является участником нелегальной контрреволюционной меньшевистской организации и входит в состав ленинградского меньшевистского центра. По заданию этой организации до последнего времени осуществлял контрреволюционную связь указанной организации с антисоветской организацией правых, троцкистов и московским меньшевистским центром. <...> Работая в ЛГУ, группировал вокруг себя социально чуждые элементы, обрабатывая их в контрреволюционном духе и привлекая к участию в нелегальной меньшевистской организации. Подлежит аресту и привлечению к ответственности по ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР»¹².

17 апреля 1938 г. «Справка» была утверждена зам. начальника 4-го отдела УГБ старшим лейтенантом К. Б. Гейманом и уже вечером того же дня С. В. Вознесенский был арестован у себя на квартире (ул. Воинова (ныне Шпалерная), д. 9, кв. 2), где проживал вместе с женой Е. Г. Вознесенской (детей у них не было).

Первые два допроса ученого 18 и 19 апреля 1938 г. ничего существенного следствию не дали, так как признательных показаний получить не удалось. Однако после того, как к С. В. Вознесенскому были применены физические меры воздействия, уже 20 апреля он под диктовку Дроздецкого написал на имя начальника Ленинградского управления НКВД комиссара госбезопасности 3-го ранга М. И. Литвина «покаянное» заявление¹³.

«Несмотря на все мои доводы, — отмечал впоследствии С. В. Вознесенский в заявлении на имя начальника УНКВД Ленинградской области С. А. Гоглидзе от 4 января 1940 г., — начальник 5-го отделения 4-го отдела Дроздецкий путем физических методов воздействия (стояние раком, битье сапогами, кулаками по шее) добился того, что на одном из допросов совершенно измученный, боясь превращения в мешок с костями, чем угрожал Дроздецкий, [я] вынужден был давать заведомо ложные показания, частью придуманные мной, частью под диктовку Дроздецкого, и было написано заявление Литвину»¹⁴.

Обратимся к тексту самого документа: «Сообщаю, что готов искренно раскрыть перед советским следствием всю свою контрреволюционную деятельность как бывшего меньшевика, который за период Советской власти не только не разоружился, скрывая свои прежние установки под маской внешнего усвоения марксистско-ленинской-сталинской фразеологии...»¹⁵. Из дальнейшего текста заявления видно, что речь шла о признании С. В. Вознесенского в том, что он вместе с другими бывшими меньшевиками Н. Н. Андреевым, А. Н. Шербуниным, А. И. Буковецким и В. Н. Кашиным создал некую меньшевистскую контрреволюционную организацию — Ленинградский меньшевистский центр¹⁶.

Собственно, на разработке этой версии и были сосредоточены основные усилия следователей (расширение круга участников организации, признание особо опасного характера ее деятельности вплоть до якобы готовившихся ее членами террористических актов против вождей коммунистической партии и Советского государства).

В ходе усиленных допросов С. В. Вознесенский не только дополнил вырванные у него «признательные показания», но и вынужден был подтвердить их на очных ставках с другими «участниками» организации: М. Н. Мартыновым, А. Н. Шебуниным, П. Ф. Соколовым и Н. Н. Андреевым. Они также подтвердили свое участие в контрреволюционной организации и активную роль, которую якобы играл в ней С. В. Вознесенский. Понять их, впрочем, можно: как показала проверка этого дела, проведенная в марте 1956 г., не только С. В. Вознесенский, но и другие подследственные подвергались истязаниям в ходе допросов со стороны работавших с ними следователей Е. П. Колодяжного, К. Б. Геймана, П. Г. Дроздецкого и Г. Г. Карпова¹⁷.

Что касается С. В. Вознесенского, то итог плотной работы следствия с ним отражен в его так называемых показаниях от 25 июня 1938 г. «Данные мною показания, — отмечал впоследствии С. В. Вознесенский, — были настолько вздорными, что Дроздецкий вынужден был самостоятельно сочинить огромный протокол, полностью не основанный на моих показаниях, а следователь Колодяжный угрозами заставил меня этот протокол подписать»¹⁸. В этом документе мы читаем:

Первоначально в состав центра вошли:

Шебунин Андрей Николаевич — кадровый меньшевик, работавший научным сотрудником Института истории АН,

Ковалев С. И. — кадровый меньшевик, профессор ЛГУ, после революции (год точно не помню) был принят в ВКП(б), но впоследствии из партии вышел, мотивируя несогласием с политикой РКП(б),

Кашин Владимир Николаевич — кадровый меньшевик, профессор ЛГУ,

Балабанов Михаил Соломонович — старый меньшевик, теоретик, профессор,

Андреев Николай Николаевич — кадровый меньшевик, профессор Института истории АН,

Буковецкий Антон Иосифович — активный меньшевик, профессор-экономист и я, Вознесенский¹⁹.

С. В. Вознесенский показывал далее, что лично им завербованы в контрреволюционно-меньшевистскую организацию: Михаил Николаевич Мартынов — преподаватель Транспортного института, бывший эсер, служивший при правительстве Чайковского в Архангельске; А. А. Введенский — профессор ЛГУ; В. Ф. Динзе — профессор, беспартийный, но реакционно настроенный человек²⁰.

Из тех, кто, по его сведениям, был завербован в состав меньшевистской организации В. Н. Кашиным, С. В. Вознесенский назвал следующие имена: Лев Владимирович Абрамович — доцент Ленинградского университета,

Свиридов — доцент истфака ЛГУ; Павел Николаевич Медведев — профессор Педагогического института им. А. И. Герцена. Кроме того, С. В. Вознесенский заявил, что ленинградским меньшевистским центром была установлена связь с заграничной делегацией меньшевиков, «откуда... были получены директивные указания по развертыванию контрреволюционной работы»²¹.

Далее по инициативе следователя последовал очень интересный диалог:

Вопрос: Директивы заграничной делегации меньшевиков о переходе контрреволюционной меньшевистской организации в СССР на террористические и диверсионные вредительские методы борьбы против существующего строя были приняты вашим центром?

Ответ: Да, директивные указания заграничной делегации меньшевиков о переходе меньшевистского подполья в СССР на террористическо-диверсионные вредительские методы борьбы организации повстанческого движения были полностью одобрены нашим центром и было решено приступить к их осуществлению.

<...>

Вопрос: Террористическая группа была вами создана?

Ответ: Да, она была создана в 1936–1937 годах.

Вопрос: Кто вошел в состав созданной вами террористической группы?

Ответ: В состав террористической группы вошли участники нашей контрреволюционной террористической организации: Мартынов Михаил Николаевич, Кашин Владимир Николаевич, Абрамович Лев Владимирович, Свиридов — имени и отчества не помню, ближайший друг Абрамовича. <...> Учитывая, что наибольшая возможность для совершения террора у нас имела в Ленинграде, то при обсуждении нами этого вопроса было решено начать подготовку к убийству Жданова²².

Физическими исполнителями «теракта» должны были стать, по словам С. В. Вознесенского, Мартынов, Абрамович и Свиридов: первый как бывший анархист и эсер, имевший опыт и традиции террористической борьбы, а остальные — как наиболее физически крепкие и выдержанные люди²³.

Последующие допросы С. В. Вознесенского и других подследственных не добавили ничего существенного в смысле разработки дела о меньшевистском террористическом контрреволюционном центре в Ленинграде. В результате уже в конце 1938 г. следственные действия по нему фактически прекратились, а в начале 1939 г. было подготовлено обвинительное заключение.

Полной неожиданностью для следствия стали результаты допроса С. В. Вознесенского новым начальником 2-го отдела сержантом госбезопасности Андриановым 9 января 1939 г.: подследственный заявил, что он решительно отказывается от данных им ранее показаний (сам ученый, впрочем, почему-то считал, что это случилось 15 января 1939 г.)²⁴. «В предъявленном мне обвинении, — заявил С. В. Вознесенский, — я виновным себя не признаю и от ранее данных мною показаний отказываюсь». На законный вопрос следователя, чем вызвана такая метаморфоза, С. В. Вознесенский ответил: «Мои показания ложны и не соответствуют действительности»²⁵.

Отказ подследственных от ранее выбитых «признательных показаний» не новость в практике работы ОГПУ — НКВД СССР. Заканчивался этот отказ, как

правило, вполне стандартно — жестоким избиением подсудимого, после чего возобновлялось сотрудничество со следователями. Очевидно, что пойти на такое мог позволить себе далеко не каждый. С. В. Вознесенский позволил. Что же подвигло его на этот, прямо скажем, смелый шаг? Судя по всему, дело было в дошедших до него каким-то образом слухах о переменах в Ленинградском управлении НКВД после того, как вместо застрелившегося 11 ноября 1938 г. М. И. Литвина управление возглавил А. С. Гоглидзе — ставленник Л. П. Берии. Вот как описывает сложившуюся ситуацию историк спецслужб Е. В. Лукин: «8 января 1939 г. В Красном зале УНКВД — партийное собрание. Казалось, еще недавно секретарь парткома Гейман здесь выступал. Ссылался на указания партии и правительства побыстрее покончить с врагами народа. Клеймил позором Гойгарта и других чекистов, осмеливавшихся писать Сталину об издевательствах и беззаконии, обзывал их троцкистами и требовал беспощадной расправы с ними. В президиуме тогда Литвин сидел, кивал головой: так, так. Теперь наоборот: Гоглидзе говорил о пробравшихся в органы госбезопасности коварных врагах народа: Литвине, Геймане и прочих, о пытках, которые применялись к честным безвинным людям, о расследовании незаконно осужденных»²⁶.

Серьезные изменения произошли в это время в составе следователей, работавших с С. В. Вознесенским. Истязавшие и запугивавшие его Дроздецкий и Колодяжный куда-то исчезли, а сменившие их Андрианов и Абрамов вели себя подчеркнуто корректно. Очевидно, что, случись история с отказом С. В. Вознесенского от данных им ранее показаний несколькими месяцами раньше, все бы могло закончиться для него очередным избиением. Но в новых условиях делу об отказе от ранее данных показаний совершенно неожиданно был дан ход.

15 и 16 марта 1939 г. помощник военного прокурора ЛВО военный юрист 1-го ранга Колоколов и помощник военного прокурора Ленинградского гарнизона Крутский в присутствии следователя областной следственной части УНКВД ЛО сержанта госбезопасности Абрамова провели очные ставки С. В. Вознесенского с профессорами С. И. Ковалевым и Я. М. Захером. Видимо, С. В. Вознесенский надеялся, что его коллеги тоже откажутся от ранее данных ложных показаний против него (такое развитие событий было в их интересах). Однако этого не произошло.

«Да, — заявил С. И. Ковалев, — мои показания верны и соответствуют действительности. Показания даю с целью разоружения и раскаивания о своей преступной работе, проводимой против ВКП(б) и Советского государства»²⁷. В том же духе высказался на очной ставке и Я. М. Захер, хотя и отметил, что прямых разговоров с С. В. Вознесенским о его принадлежности к контрреволюционной меньшевистской организации у него не было, а были только косвенные, из чего он и исходит²⁸. Очевидно, несмотря на то что ситуация с методами работы следственной части Ленинградского управления НКВД с приходом А. С. Гоглидзе стала несколько выправляться, а прямая опасность физической расправы подсудимым уже не грозила, страх повторения прежних мучений все еще сковывал их души.

Полагаем, что этим же, т. е. прочно поселившимся за послереволюционные годы в душах советских людей страхом перед репрессиями государства, можно объяснить и резко отрицательную характеристику С. В. Вознесенского от 3 февраля 1939 г., представленную деканатом исторического факультета ЛГУ в Ленинградское управление НКВД. В качестве подписантов этого весьма примечательного документа фигурируют тогдашний декан истфака ЛГУ А. Л. Фрайман и завкафедрой истории СССР В. В. Мавродин²⁹.

В характеристике читаем, что еще до Великой Октябрьской социалистической революции С. В. Вознесенский, считая себя социал-демократом, печатался в журналах и сборниках явно монархического содержания, например в сборнике, посвященном 300-летию дома Романовых. Свои меньшевистские установки он «старался протащить» в преподавательской работе, в книгах, статьях и позднее, состоя профессором ЛГУ. «В 1932 г. в издательстве Общества политкаторжан он выпустил книгу “Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России (1800–1860 гг.)”, где протаскивал теорию торгового капитализма, перерождения помещиков в буржуазию, превращения русского самодержавия в буржуазную монархию и другие антимарксистские и антиленинские установки»³⁰. «На истфак ЛГУ С. В. Вознесенский был приглашен врагами народа Зайделем и Томсинским. <...> В преподавательской работе пытался протаскивать откровенно контрреволюционные положения и установки: а) в заочном секторе ЛГУ в 1936 г. составил задания для заочников, в которых среди рекомендованных авторов рекомендовались работы Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина и других врагов народа. Список был задержан членом кафедры Мавродиным; б) в январе 1938 г. на лекции для экскурсоводов в присутствии инструктора культпросвета Ленсовета Пономарева Вознесенский сказал, что “подушная подать Петра во всех отношениях и в особенности в смысле закрепощения и фискального гнета равняется продналогу времен Советской власти”. Когда же Вознесенскому было указано, что это точка зрения Бухарина, он ответил, что в этом вопросе он согласен с Бухариным; в) осенью 1937 г. Вознесенский говорил А. В. Предтеченскому, что “несчастье историков заключается в том, что Сталин обязательно хочет быть ученым и изрекает истины по вопросам истории, а нам приходится исправлять его ошибки”. <...> Со свойственным ему упрямством и настойчивостью С. В. Вознесенский старался по-прежнему в программах и курсах отстаивать свои взгляды. <...> Он старался протащить меньшевистскую установку о развитии капитализма в России с древнейшего времени и, следовательно, о перерастании русского царизма в буржуазную монархию. В подтверждение своих взглядов пытался исказить смысл отдельных положений Ленина, выхватывая отдельные цитаты и стараясь всячески обойти основную идею Ленина о крепостническом характере русского царизма <...> Подобные установки, искажающие истинный смысл классовой борьбы в России, для С. В. Вознесенского не случайны, а вытекают из его системы взглядов. Программа кафедрой не было утверждена и курс его был впоследствии снят»³¹.

В беседах с отдельными членами кафедры С. В. Вознесенский брал на себя смелость критиковать некоторые высказывания Ленина, в частности о су-

ществовании крепостничества еще во времена Киевской Руси, заявляя, что «это ошибка Ленина». Он часто говорил о том, что является «учеником Маркса и Энгельса», но при этом никогда не упоминал о продолжателях Маркса и Энгельса — Ленине и Сталине. Все это заставило деканат и кафедру отстранить его от ответственных курсов. Общий же вывод составителей характеристики был таков: «С. В. Вознесенский в практической своей работе показал, что он по сути дела по своим взглядам и настроениям остался меньшевиком, враждебным идеям и делу Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина»³².

Как ни обидно и ни горько сегодня читать такого рода характеристику от его коллег по историческому цеху, относиться к ее содержанию следует с пониманием — слишком уж суровыми и неоднозначными были реалии того времени.

Что касается самого «дела ленинградского меньшевистского центра», то рассмотрение его в заседании Военного трибунала Ленинградского военного округа состоялось 14 сентября 1939 г., причем уже в первый день все подсудимые — С. В. Вознесенский, А. Н. Шебунин, Н. Н. Андреев, С. И. Ковалев, М. Н. Мартынов, Я. М. Захер — дружно отказались от данных ранее «признавательных» показаний. Не побоялись они рассказать в ходе судебного разбирательства и о пытках, которые применялись по отношению к ним следователями.

С. В. Вознесенский, в частности, заявил: «Следователь Дроздецкий меня подвергал истязаниям, и я решил подчиниться требованиям следствия; лишь бы дотянуть до суда»³³. «По настоянию следствия я стал писать о своей якобы террористической деятельности и вовлек сюда Мартынова как бывшего эсера, связав его с Кашиным. Я писал о вербовке мною ряда лиц для контрреволюционной работы. Все это моя ложь и фантазии Дроздецкого. В январе 1939 г. я уже нашел в себе мужество отказаться от всей этой гнусной лжи. <...> Мартынов ни в какой контрреволюционной организации не состоял. С Ковалевым у меня было чисто «шапочное» знакомство. <...> Лично с Магазинер я не был знаком, и на следствии давал на него клеветнические показания. Я уже выше сказал, что я был методами следствия вынужден делать такую подлость. <...> Повторяю суду, что я никогда не состоял в контрреволюционной организации, никого я не вербовал в такую организацию, меня никто не вербовал для контрреволюционной деятельности. Никаких связей у меня с каким-то заграничным меньшевистским центром не было, ни о каких директивах от такого центра я понятия не имел и абсолютно этого не знал. Все это дело является творчеством следствия»³⁴. На медицинском освидетельствовании, по словам С. В. Вознесенского, у него была обнаружена «спинная сухотка». «Это, — заявил он, — следствие тех истязаний, которым я подвергался на следствии»³⁵.

Особого внимания заслуживает активное участие в судебном расследовании членов Коллегии защитников (т. е. адвокатов) Н. П. Успенского, Сегала и Зимина, допущенных на заседание суда военного трибунала 14–15 сентября 1939 г., — ситуация необычная для подобных судилищ после убийства С. М. Кирова. Также интересно широкое привлечение к участию в судебном заседании в качестве свидетелей ряда представителей университетской профессуры, среди них: Н. С. Державин, М. В. Серебряков, С. Б. Окунь, М. И. Молок, И. В. Погорельский, М. А. Гуковский и др. Очевидно, здесь не место говорить, кто и как

свидетельствовал (за или против), так как это слишком далеко увело бы нас от темы. Однако общий баланс этих свидетельств был все же в пользу подсудимых (на что и рассчитывали они сами и их адвокаты).

Смело можно сказать: грамотная, профессиональная выстроенная линия защиты, обнажившая полную несостоятельность выдвинутых страшных обвинений, вкупе с заявлениями подсудимых о вынужденном и сфальсифицированном характере их показаний и предопределила неожиданный развал дела. В результате определением Военного трибунала ЛВО от 15 сентября 1939 г. оно было направлено на доследование. Ничего нового оно не дало, да и не могло дать, поскольку следователи по-прежнему продолжали настаивать на признательных показаниях подсудимых, а те, в свою очередь, отрицали причастность к нелегальной контрреволюционной меньшевистской террористической организации.

Неудивительно поэтому, что уже 24 января 1940 г. следственные действия в отношении С. И. Ковалева, Н. Н. Андреева, М. Н. Мартынова и В. М. Розенберга были прекращены, а сами они отпущены на свободу. Но с С. В. Вознесенским, Я. М. Захером и А. Н. Шебуниным поступили иначе. Свидетельство тому — новые обвинительные заключения, предъявленные им 9 января (С. В. Вознесенскому) и 11 января (Я. М. Захеру) 1940 г., а также усиленные допросы, которым они были подвергнуты в первой половине 1940 г. Новые следователи требовали все тех же признательных показаний в участии в контрреволюционной меньшевистской террористической организации. Однако наученные предыдущим опытом своего «сотрудничества со следствием», обвиняемые упрямо стояли на своем, все отрицая.

«В предъявленном мне обвинении по ст. 58-8, 58-10 и 58-11 УК РСФСР, — заявил в ходе очередного допроса от 26 февраля 1940 г. С. В. Вознесенский, — виновным себя не признаю. По делу объясняю: контрреволюционной деятельностью я никогда не занимался и в контрреволюционной организации не состоял. Показания, в которых я признавал себя виновным в контрреволюционной деятельности, я давал вынужденно и под воздействием физического насилия. Правдивые показания по существу моего дела я стал давать только с 15 января 1939 г.»³⁶. Последний допрос С. В. Вознесенского состоялся 6 марта 1940 г.³⁷

Судьба Я. М. Захера и А. Н. Шебунина — восемь лет исправительно-трудовых лагерей — была решена 19 октября 1940 г. постановлением Особого совещания НКВД СССР³⁸. И это несмотря на то что проверявший их дело по жалобе Я. М. Захера помощник начальника следственной части УНКВД ЛВО лейтенант госбезопасности Добромысловский констатировал, что следствию не удалось доказать их принадлежность к контрреволюционной организации, но поскольку и тот, и другой являются «кадровыми меньшевиками», которые на протяжении длительного времени вели активную контрреволюционную деятельность, следует признать их «людьми социально опасными» и на этом основании приговор в их отношении оставить в силе³⁹. Так и произошло, ведь понимание социалистической законности в то время было весьма специфическим...

Нет сомнения, что аналогичный суровый приговор ждал и С. В. Вознесенского. Но судьба распорядилась иначе: 7 мая 1940 г., не дождавшись вердикта, в возрасте 56 лет он умер в тюремной больнице от кровоизлияния в мозг⁴⁰.

В лице С. В. Вознесенского историческая наука лишилась не только крупного ученого, но и, как показало наше исследование избранной им линии поведения в ходе следствия, незаурядного человека, достойно встретившего выпавшую в самом конце его жизненного пути беду.

¹ *Вознесенский С. В.* Первое столетие Экспедиции заготовления государственных бумаг (1818–1918) / сост. Т. Н. Смекалова, А. В. Мельников, Н. М. Вечерухин. СПб., 2009.

² *Ходяков М. В.* «Живая история живого дела»: Подготовка истории Экспедиции заготовления государственных бумаг в 1914–1920 гг. // Проблемы исторического регионоведения: сб. науч. статей к 10-летию кафедры исторического регионоведения / отв. ред. Ю. В. Кривошеев. СПб., 2012. С. 348.

³ Архив РГПУ им. А. И. Герцена. Личный состав. Д. 34 (С. В. Вознесенский). Л. 1–1 об.

⁴ Там же. Д. 61 (С. В. Вознесенский). Л. 2.

⁵ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 41975 (Дело Императорского Санкт-Петербургского университета студента Сергея Валериановича Вознесенского, 1904). Л. 6.

⁶ Архив РГПУ им. А. И. Герцена. Личный состав. Д. 34 (С. В. Вознесенский). Л. 4–6.

⁷ *Вознесенский С. В.*: 1) Городские депутатские указы Екатерининской комиссии 1767 года // Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1909. № 11. С. 89–119; № 12. С. 241–284; 2) Дворянская реакция на смерть Петра Великого // Русское прошлое. 1923. № 2. С. 27–54; 3) Дворянский конституционализм в 1730 году // Записки Научного общества марксистов. 1924. № 6. С. 59–83.

⁸ *Вознесенский С. В.*: 1) Стачечная борьба рабочих в 1870–1917 гг. // Архив истории труда в России / под ред. Ю. Гессена. Пг., 1923. № 8. С. 148–173; 2) Государственное хозяйство России накануне первой русской революции // Записки Научного общества марксистов. 1927. № 8 (2). С. 102–129.

⁹ *Вознесенский С. В.* Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России в 1800–1860 гг. Очерки. М., 1932.

¹⁰ *Вознесенский С. В.* Генезис феодализма в Древней Руси. Л., 1936.

¹¹ Родился в 1903 г. в деревне Борки Идрицкого района Тверской области. С 01.05.1937 по 01.09.1938 — начальник 5-го отделения 4-го отдела Управления госбезопасности по Ленинградской области. Генерал-лейтенант, зам. начальника Управления Комитета госбезопасности по Новгородской области в 1950-е гг.

¹² Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-19801. Т. 3. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 124.

¹⁴ Там же. Т. 5. Л. 188.

¹⁵ Там же. Т. 3. Л. 50–50 об.

¹⁶ Там же. Л. 60–61.

¹⁷ Там же. Т. 6. Л. 269. — Примечательно, что Георгий Григорьевич Карпов дослужился до генерал-майора НКГБ (1945 г.) и с сентября 1943 по февраль 1960 г. был председателем Совета по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров СССР (позже — при Совете министров СССР).

¹⁸ Там же. Т. 6. Л. 188.

¹⁹ Там же. Т. 3. Л. 134.

²⁰ Там же. Л. 137.

²¹ Там же. Л. 142.

²² Там же. Л. 149–150.

²³ Там же. Л. 152.

- ²⁴ Там же. Т. 5. Л. 489.
- ²⁵ Там же. Т. 3. Л. 165.
- ²⁶ *Лукин Е.* На палачах крови нет. Типы и нравы ленинградского НКВД. СПб., 1996. С. 72.
- ²⁷ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-19801. Т. 3. Л. 309.
- ²⁸ Там же. Л. 311.
- ²⁹ Там же. Т. 6. Л. 120–122.
- ³⁰ Там же. Л. 120.
- ³¹ Там же. Л. 122.
- ³² Там же. Л. 120.
- ³³ Там же. Т. 5. Л. 486.
- ³⁴ Там же. Л. 489.
- ³⁵ Там же. Л. 489.
- ³⁶ Там же. Т. 6. Л. 200.
- ³⁷ Там же. Л. 206–207.
- ³⁸ Там же. Т. 6. Л. 202.
- ³⁹ Там же. Л. 247.
- ⁴⁰ Там же. Л. 239.

Статья поступила в редакцию 3 марта 2018 г.
Рекомендована в печать 3 декабря 2018 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Брачев В. С. Дело профессора С. В. Вознесенского // *Новейшая история России.* 2019. Т. 9, № 1. С. 144–155. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.109>
УДК 94(47).084.6

Аннотация: Статья посвящена судьбе известного историка Сергея Валериановича Вознесенского и делу против него в 1938–1940 гг. На основе документов из архива УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, впервые вводимых в научный оборот, показаны причины ареста и обстоятельства появления так называемых признательных показаний ученого о принадлежности к некоей контрреволюционной террористической организации — Ленинградскому меньшевистскому центру. Само дело было полностью сфабриковано следователями Ленинградского УНКВД, широко использовавшими в своей работе незаконные методы ведения следствия — угрозы, пытки и пр. Как показывает автор, представ 14 сентября 1939 г. перед судом Военного трибунала Ленинградского военного округа, С. В. Вознесенский и его «однодельцы» — профессора С. И. Ковалев, Я. М. Захер, А. Н. Шебунин и др. — нашли в себе мужество решительно отказаться от данных ими ранее признательных показаний, и 15 сентября их дело было возвращено на доследование. Однако ввиду того, что от своих старых показаний подследственные продолжали отказываться, а на применение физических мер воздействия в условиях так называемой бериевской оттепели следователи не решались, какой-либо судебной перспективы дело не имело. В результате уже в январе 1940 г. Н. Н. Андреев, М. Н. Мартынов и С. И. Ковалев были освобождены из-под ареста и дело в их отношении было прекращено. Что же касается С. В. Вознесенского, А. Н. Шебунина и Я. М. Захера, то их дела были переданы на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР. Вынесенный в отношении Я. М. Захера и А. Н. Шебунина вердикт был суров — восемь лет исправительно-трудовых лагерей. Нет сомнения, что таким же стал бы и приговор С. В. Вознесенскому, и только неожиданная смерть в тюремной больнице избавила его от этой участи.

Ключевые слова: С. В. Вознесенский, историк, профессор, Ленинградский государственный университет, политические репрессии, марксистская историография.

Сведения об авторе: *Брачев В. С.* — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); v.brachev@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Brachev V. S. 'The Case of Professor S. V. Voznesenskiy', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 1, 2019, pp. 144–155. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.109> (In Russian)

Abstract: The article explores the "case" in 1938–1940 of the famous historian Sergei Valerianovich Voznesenskii. Genuine archival materials—investigative case files from the FSB archive for St. Petersburg and the Leningrad Region—provide reasons for his arrest and circumstances of this scholar's so-called "confessions" about belonging to a counter-revolutionary terrorist organization, the Leningrad Menshevik Center. The case itself was completely fabricated by investigators from the Leningrad NKVD, who widely used illegal methods of investigation: threats, torture, and the like. Voznesenskii was brought before the court of the Military Tribunal of the Leningrad Military District on September 14, 1939, where he and his "accomplices," professors S. I. Kovalyov, Ia. M. Zakher, A. N. Shebunin, and others found the courage to resolutely reject their earlier confessions, and on September 15 their case was returned for further investigation. However, because the accused continued to reject their previous testimony, and the investigators did not use the physical measures of the so-called "Beria thaw," the case did not have any judicial foundations. As a result, as early as January 1940, N. N. Andreev, M. N. Martynov, and S. I. Kovalyov were released and the case against them was dropped. As for S. V. Voznesenskii, A. N. Shebunin, and Ia. M. Zakher, their cases were referred to the Special Meeting of the NKVD of the USSR. The verdict delivered for Zakher and Shebunin was severe: eight years in forced labor camps. There is no doubt that Voznesenskii's sentence would have been the same; only his unexpected death in a prison hospital saved him from this fate.

Keywords: S. V. Voznesenskii, professor, Leningrad State University, Marxist historiography, political repression, USSR.

Author: *Brachev V. S.* — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); v.brachev@spbu.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

- Khodjakov M. V. "Zhivaya istoriya zhivogo dela": Podgotovka istorii Ekspedicii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag v 1914–1920 gg., *Problemy istoricheskogo regionovedeniya: sb. nauch. statej k 10-letiyu kafedry istoricheskogo regionovedeniya* (St. Petersburg, 2012).
- Lukin E. V. *Na palachakh krovi net. Tipy i nravy leningradskogo NKVD* (St. Petersburg, 1996).
- Voznesenskii S. V. 'Dvoryanskaya reakciya na smert Petra Velikogo', *Russkoe proshloe*, no. 2, 1923.
- Voznesenskii S. V. 'Dvoryanskij konstitucionalizm v 1730 godu', *Zapiski Nauchnogo obshchestva marksistov*, no. 6, 1924.
- Voznesenskii S. V. 'Gorodskie deputatskie nakazy Ekaterininskoj komissii 1767 goda', *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*, no. 11–12, 1909.
- Voznesenskii S. V. 'Gosudarstvennoe khozyajstvo Rossii nakanune pervoj russkoj revolyucii', *Zapiski Nauchnogo obshchestva marksistov*, no. 8 (2), 1927.
- Voznesenskii S. V. 'Stachechnaya borba rabochikh v 1870–1917 gg.', *Arkhiv istorii truda v Rossii*, Ed. by Yu. Gessen (Petrograd, 1923).
- Voznesenskii S. V. *Genezis feodalizma v Drevney Rusi* (Leningrad, 1936).
- Voznesenskii S. V. *Pervoe stoletie Ekspedicii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag (1818–1918)*, Comp. by T. N. Smekalova, A. V. Mel'nikov, N. M. Vecherukhin (St. Petersburg, 2009).
- Voznesenskii S. V. *Razlozhenie krepostnogo khozyajstva i klassovaya bor'ba v Rossii v 1800–1860 gg. Oчерki* (Moscow, 1932).

Received: March 3, 2018

Accepted: December 3, 2018